

И.О. Родин, Т.М. Пименова

Обломов

Краткое содержание

Часть 2

«Штольц был немец только вполовину, по отцу: мать его была русская, веру он исповедывал православную; природная речь его была русская».

Его отец, Иван Богданович, — управляющий в селе Верхлеве, двадцать лет живет в России. В селе маленький Штольц рос и воспитывался. С восьми лет сидел с отцом над географической картой, разбирали по складам Гердера, Виланда, библейские стихи и подводил итоги безграмотным счетам крестьян, мещан и фабричных. Дрался с окрестными мальчишками, часто по полсуток не бывал дома. Мать беспокоилась, а отец лишь приговаривал: «Добрый бурш будет!» Один раз Андрей пропал на неделю, потом его нашли преспокойно спящим в своей постели. Под кроватью — чье-то ружье и фунт пороху и дробы. На вопрос, где взял, ответил: «Так!» Отец спрашивает сына, готов ли у него перевод из Корнелия Непота на немецкий язык. Узнав, что нет, отец выволок его за шиворот во двор, дал пинка и сказал: «Ступай, откуда пришел. И приходи опять с переводом, вместо одной, двух глав, а матери выучи роль из французской комедии, что она задала: без этого не показывайся!» Андрей вернулся через неделю с переводом и выученной ролью. Мать жалеет Андрея и не разделяет методов отца по практическому воспитанию сына. «Она жила гувернанткой в богатом доме и имела случай быть за границей, проехала всю Германию и смешала всех немцев в одну толпу курящих коротенькие трубки и поплеывающих сквозь зубы приказчиков, мастеровых, купцов, прямых, как палка, офицеров с солдатскими и чиновников с будничными лицами, способных только на черную работу, на труженическое добывание денег, на пошлый порядок, скучную правильность жизни и педантическое отправление обязанностей... Она бросалась стричь Андрюше ногти, завивать кудри, шить изящные воротнички и манишки; заказывала в городе курточки; учила его прислушиваться к задумчивым звукам Герца, пела ему о цветах, о поэзии жизни, шептала о блестящем призвании то воина, то писателя, мечтала с ним о высокой роли, какая выпадает иным на долю».

По соседству жили княжеские дети Пьер и Мишель. Первый рассказывал о кавалерии, как трубят зорю и т. п., а второй, Мишель, «только лишь познакомился с Андрюшей, как поставил его в позицию и начал выделывать удивительные штуки кулаками, попадая ими Андрюше то в нос, то в брюхо, потом сказал, что это английская драка. Дня через три Андрей, на основании только деревенской свежести и с помощью мускулистых рук, разбил ему нос и по английскому, и по русскому способу, без всякой науки, и приобрел авторитет у обоих князей».

Когда сын возвратился из университета и прожил месяца три дома, отец сказал, что ему больше делать в Верхлеве нечего. Дав сыну сто рублей, отправляет его через Москву в Петербург (мать к тому времени уже умерла). Отец говорит: «Образован ты хорошо: перед тобой все карьеры открыты; можешь служить, торговать, хоть сочинять, — не знаю, что ты изберешь». Андрей отвечает, что хотел бы преуспеть во всем. Отец предлагает дать ему адрес своего богатого знакомого — Рейнгольда, с которым он когда-то вместе пришел из Саксонии и у которого теперь четырехэтажный дом, — на случай, если «не станет умения, не сумеешь сам вдруг отыскать свою дорогу». Андрей отвечает, что пойдет к Рейнгольду, когда у него самого будет четырехэтажный дом. Хочет ехать. Видя сухое, «нечеловеческое» прощание отца с сыном, какая-то старуха в толпе заголосила, благословила Андрея. Он подъехал к ней и заплакал, так как «в ее горячих словах слышался ему будто голос матери».

«Штольц ровесник Обломову, и ему уже за тридцать лет. Он служил, вышел в отставку, занялся своими делами и в самом деле нажил дом и деньги. Он участвует в какой-то компании, отправляющей товары за границу».

Штольц не теряет головы из-за женщин. «Он и среди увлечения чувствовал землю под ногой и довольно силы в себе, чтоб в случае крайности рвануться и быть свободным. Он не ослеплялся красотой и потому не забывал, не унижал достоинства мужчины, не был рабом, не «лежал у ног» красавиц, хотя не испытывал огненных радостей».

Он говорил, что «нормальное назначение человека — прожить четыре времени года, то есть четыре возраста, без скачков, и донести сосуд жизни до последнего дня, не пролив ни одной капли напрасно, и что ровное и медленное горение огня лучше бурных пожаров, какая бы поэзия ни пылала в них».

Штольц упрекает Обломова за то, что он все лежит, зовет с собой в свет. Обломов возражает: «Свет, общество! Ты, верно, нарочно, Андрей, посылаешь меня в этот свет и общество, чтоб отбить больше охоту быть там. Жизнь: хороша жизнь! Чего там искать? Интересов ума, сердца? Ты посмотри, где центр, около которого вращается все это: нет его, нет ничего глубокого, задевающего за живое. Все это мертвецы, спящие люди, хуже меня, эти члены света и общества! Что водит их в жизни? Вот они не лежат, а снуют каждый день, как мухи, взад и вперед, а что толку? Войдешь в залу и не налюбуйешься, как симметрически рассажены гости, как смиренно и глубокомысленно сидят — за картами. Нечего сказать, славная задача жизни! Отличный пример для ищущего движения ума! Разве это не мертвецы? Разве не спят они всю жизнь сидя? Чем я виноватее их, лежа у себя дома и не заражая головы тройками и валетами? А наша лучшая молодежь, что она делает? Разве не спит, ходя, разъезжая по Невскому, танцуя? Ежедневная пустая перетасовка дней! А посмотри, с какою гордостью и неведомым достоинством, отталкивающим взглядом смотрят, кто не так одет, как они, не носит их имени и звания. И воображают, несчастные, что они еще выше толпы: «Мы-де служим, где, кроме нас, никто не служит; мы в первом ряду кресел, мы на бале у князя N, куда только нас пускают»... А сойдутся между собой, перепьются и подерутся, точно дикие! Разве это живые, настоящие люди? Да не одна молодежь: посмотри на взрослых. Собираются, кормят друг друга, ни радушия, ни доброты, ни взаимного влечения! Собираются на обед, на вечер, как в должность, без веселья, холодно, чтобы похвастать поваром, салоном, и потом под рукой осмеять, подставить ногу один другому... Зачем же они сходятся? Зачем так крепко жмут друг другу руки?... Что это за жизнь? Я не хочу ее». На вопрос Штольца, что он собирается делать, Обломов говорит, что поедет в деревню, только вот еще план переустройства не кончен. Намекает, что не прочь был бы уехать в деревню с женой. «Разве у меня жена сидела бы за вареньями да за грибами? Разве... разбирала бы деревенское полотно? Разве била бы девок по щекам? Ты слышишь: ноты, рояль, книги, изящная мебель?» Обломов рисует своего рода утопию, картину беззаботной жизни, в которой нет места разговорам «о бирже, о сенате, об акциях, о докладе» и проч. Штольц говорит, что это не жизнь, а *обломовщина*. Обломов удивляется: для чего всю жизнь мучиться, для чего копить капиталы? спрашивает, успокоится ли Штольц, когда удвоит свой капитал. Тот отвечает, что не успокоится даже когда учетверит. Труд, по его убеждению, нужен «для самого труда, больше ни для чего. Труд — образ, содержание, стихия и цель жизни». Говорит, что Обломов изгнал труд из своей жизни и поэтому стал похож бог знает на кого, что если он будет сидеть с Тарантьевым и Алексеевым, то совсем пропадет.

Штольц обещает познакомить Обломова с Ольгой Ильинской, сводить послушать ее пение. Берет с Обломова обещание, что он поедет за границу. Сам он скоро уезжает в Париж. Обломов клянется, что приедет к Штольцу. Но проходит несколько месяцев, Штольц давно в Париже, а Обломов все не едет. Поначалу он придумывал разные отговорки — например, укус мухи, от которого раздулась губа. Штольц пишет из Парижа неистовые письма, а Обломов все не едет. Причина тому — Ольга Ильинская, к которой Штольц водил Обломова перед отъездом. Штольц симпатизирует Ольге, часто беседует

с ней. «Ни жеманства, ни кокетства, никакой лжи, никакой мишуры, ни умысла! Зато и ценил ее почти один Штольц, зато не одну мазурку просидела она одна, не скрывая скуки... Одни считали ее простой, недалней, неглубокой, потому что не сыпались с языка ее ни мудрые сентенции о жизни, о любви, ни быстрые, неожиданные и смелые реплики, ни вычитанные или подслушанные суждения о музыке или литературе: говорила она мало, и то свое, неважное — и ее обходили умные и бойкие “кавалеры”; небойкие, напротив, считали ее слишком мудреной и немного боялись. Один Штольц без умолку говорил с ней и смешил ее».

Ольга поет арию, Обломову очень нравится ее пение. Штольц знакомит их. Обломов влюбляется. Он нанимает дачу по соседству с Ильинскими, ходит в прекрасно сшитом сюртуке, щегольской шляпе, читает, гуляет с Ольгой. Образ жизни Обломова совершенно меняется.

Ольга с Обломовым чувствует себя свободно. Кроме того, Штольц «завещал» ей Обломова, рассказал об образе жизни Ильи Ильича, просил Ольгу расшевелить его, не давать ему «спать». И Ольга начинает «переделывать» Обломова. Она мечтает о том, как «прикажет ему прочесть книги, которые оставил Штольц», заставит читать его газеты... «И все это чудо сделает она, такая робкая, молчаливая, которой до сих пор никто не слушался, которая еще не начала жить!.. Он будет жить, действовать, благословлять жизнь и ее. Возвратить человека к жизни — сколько славы доктору, когда он спасет безнадежного больного! А спасти нравственно погибающий ум, душу? Она даже вздрагивала от гордого, радостного трепета; считала это уроком, назначенным свыше. Она мысленно сделала его своим секретарем, библиотекарем». Обломов признается Ольге в любви, а та «любовалась, гордилась этим поверженным к ногам ее ее же силою человеком». «Она все колола его легкими сарказмами за праздно убитые годы, изрекала суровый приговор, казнила его апатию глубже, действительнее, нежели Штольц; потом, по мере сближения с ним, от сарказмов над дряблым существованием Обломова она перешла к деспотическому проявлению воли, отважно напомнила ему цель жизни и обязанностей и строго требовала движения, беспрестанно вызывала наружу его ум, то запутывая его в тонкий, жизненный, знакомый ей вопрос, то сама шла к нему с вопросом о чем-нибудь неясном, не доступном ей». Ольга говорит, что «жизнь — обязанность, долг, следовательно, любовь — тоже долг». Она не знает, любит ли Обломова, но так она не любила «ни отца, ни мать, ни няньку».

Однако на следующее после признания утро Обломовым начинают овладевать сомнения. Он размышляет: «Она любит теперь, как вышивает по канве: тихо, лениво выходит узор, она еще ленивее разворачивает ее, любит, потом положит и забудет. Да, это только приготовление к любви, опыт, а он — субъект, который подвернулся первый, немного сносный, для опыта, по случаю». Обломов опасается, что, если вдруг явится кто-нибудь другой, более достойный, Ольга разлюбит его. Мало того, она будет стыдиться своей прошлой любви к Обломову. Обломов пишет Ольге письмо, в котором говорит, что ее любовь не есть настоящее чувство, что это только ее бессознательная потребность любить, которая «за недостатком настоящей пищи, настоящего огня, горит фальшивым, негреющим светом». Обломов пишет, что они больше не увидятся, просит его простить, сообщает, что уезжает в город. Письмо передают Ольге. Через некоторое время Обломов раскаивается, ему хочется видеть Ольгу, он бежит ее искать, встречается в парке. Обломов просит у нее прощения, Ольга упрекает его в том, что «он выдумал мучения», «готовил их и наслаждался заранее». Но она прощает его. Они мирятся, и Обломов, счастливый, уходит. Дома он находит еще одно письмо от Штольца, который по-прежнему упрекает его в неподвижности и приглашает приехать в Швейцарию, куда Штольц отправляется, или в Италию, куда Штольц поедет затем. Обломов не собирается никуда ехать, так как хочет жениться на Ольге. Однако через некоторое время, «как ни ясен был ум Ольги, как ни сознательно смотрела она вокруг, у нее стали являться какие-то новые, болезненные симптомы» — беспокойство, беспричинные слезы, нервическое настроение. Обломова это

пугает. Размышляя о «странном» поведении Ольги, он подсознательно чувствует опасность, что их отношения зайдут слишком далеко, на «опасный путь». Он боится, что его сочтут «коварным соблазнителем», волокитой и проч. «В этом отношении Илья Ильич был совершенно чист: ни одного пятна, упрека в холодном, бездушном цинизме, без увлечения и борьбы, не лежало на его совести». Обломов с ужасом думает: «не хватало, чтоб еще я... воткнул украденный розан в петлицу и шептал приятелю на ухо о своей победе». Обломов встречается с Ольгой и нерешительно говорит ей о своих опасениях. Ольга отвечает, что никогда бы не стала на порочный путь и несколько раз, к радости Обломова, это повторяет. Обломов говорит, что им не следует слишком часто видаться наедине, что люди — соседи, тетка — могут о них дурно подумать. Ольга с разочарованием соглашается.